

Но это не все, что осталось от несчастной царицы. В Загорском музее хранится несколько произведений лицевого шитья, подаренных Троицкому монастырю царем Борисом Федоровичем;⁵¹ два из них монастырское предание приписывает рукоделию Ксении. Одно из них — покровец на гробницу Сергия, о котором Опись монастыря 1908 г. замечает, что он являлся вкладом царя Бориса Годунова «от усердия и трудов дочери его царицы Ксении Борисовны в 1601 году»⁵² (рис. 1).

Второе произведение — одежда на жертвенник, или индия, по той же Описи, «вышита собственными трудами и пожалована в обитель пр. Сергия царицею Ксениею Борисовною Годуновой в 1602 году»⁵³ (рис. 2)

Катырев-Ростовский говорит, что царица «во всех женах благочиннейша» и «во всех своих делах чредима»,⁵⁴ а добрая репутация женщины в Древней Руси в значительной степени должна была зависеть от прилежания ее к рукоделиям. Недаром автор «Повести об Улянии Осориной», стремясь нарисовать идеальный образ русской женщины конца XVI—начала XVII в., неоднократно отмечает, что Уляния «по вся ночи без сна пребываше, в молбах и в рукоделии, в прядиве и в пляничном деле», к которым она «прилежание велие имяше»⁵⁵ В знаменитом «Домострое», приписываемом духовнику Ивана Грозного священнику Благовещенского собора Сильвестру, говорится, что «добрые жены рукодельные». В этом направлении предписывается здесь воспитывать и дочерей, и челядь. В главе «Послание и наказание от отца к сыну» автор пишет: «А мати твоя многие девицы и вдови пустошныя и убогия воспитала в добре наказании, изучила рукоделию и всякому домашнему обиходу».⁵⁶

Шитье церковных пелен и покровов считалось также делом богоугодным. Прилежание к рукоделиям включалось в число подвигов «святых» женщин. Так, блаженная княгиня Феврония «во храме пречистыя съборныя церкви своима рукама шиаще въздух, на нем же бе лики святых».⁵⁷ Поэтому шитьем церковных пелен вместе с мастерицами своих «светлиц» занимались и многие боярыни, княгини, царицы и царицы. В «Житии» Никиты Столника переяславского рассказывается, что первая жена Ивана Грозного царица Анастасия Романовна «своима рукама и бого-

дящихся от ствола; фрагменты другой шелковой, светло-коричневой ткани с узором из круглых цветов и гирлянд листьев, а также черной ткани, очевидно, от схимы. У Марии Григорьевны обнаружены остатки чепчика из плетеного кружева. Все эти фрагменты хранятся в Загорском музее и в 1960 г. были промыты, закреплены и дублированы реставратором Центральной Художественно-реставрационной мастерской М. П. Рябовой. Остатки же коричневой тафты и шелковой тесьмы (плетенки) дали ей возможность реконструировать покрой рубахи Федора Борисовича (см.: IV выставка «Реставрация и консервация произведений искусства». Каталог. М., 1963, стр. 52).

⁵¹ Кроме рассматриваемых ниже произведений, Борисом Годуновым подарены Троице-Сергиеву монастырю два покроя — с изображением «Явления богоматери Сергию» (с датой 1587 г.) и Сергия Радонежского, «жемчужная» пелена 1599 г. под знаменитую «Троицу» Андрея Рублева, а также два покроя («Богоматерь знамения» и «Агнец») и воздух («Христос во гробе») 1597 и 1598 гг. на церковные сосуды.

⁵² Опись Троице-Сергиевой лавры 1908 г., кн. 3, разд. 34, № 8, л. 267 (Рукопись Загорского музея).

⁵³ Там же, кн. 3, разд. 15, № 1, л. 11 об.

⁵⁴ Катырев-Ростовский, стлб. 621.

⁵⁵ Повесть об Улянии Осориной. В кн.: Русская повесть XVII в., М., 1954, стр. 40—41.

⁵⁶ Домострой Сильвестровского извода. СПб., 1902, гл. 64, стр. 67; см. также гл. 16, 20, 30 и др.

⁵⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии (тексты). — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 243.